

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ВОПРОСА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

ABOUT THE CURRENT STATE OF THE QUESTION OF THE ORIGIN OF INDO-EUROPEANS

D. Loginov

Annotation

Article is devoted to some aspects of a problem of an origin of Indo-Europeans. There are noted approaches to its decision which lost the scientific value so far, but continue to be exaggerated in pseudo-scientific circles. Hypotheses concern to those, are so-called "Indian" and "Arctic". Then, difficulties in definition of accurately localized ancestral home of Indo-Europeans are stated. An exit can be found in revision of understanding of an Indo-European ancestral home and initial Indo-Europeans.

Keywords: Indo-Europeans, Indo-European ancestral home, Indo-European language, language divergence, language convergence, prehistory, ethnos, pseudo science.

Логинов Дмитрий Сергеевич
К.ист.н., доцент,
Рязанский государственный
медицинский университет
им. И.П. Павлова

Аннотация

Статья посвящена некоторым аспектам проблемы происхождения индоевропейцев, новым подходам к её решению, которые утратили своё научное значение к настоящему времени, но продолжают муссироваться в околонучных кругах. К таковым относятся так называемые "индийская" и "арктическая гипотезы". В статье отмечены сложности в определении чётко локализованной прародины индоевропейцев и подчеркивается, что выход может быть найден в пересмотре самого понимания индоевропейской прародины и первоначальных индоевропейцев.

Ключевые слова:

Индоевропейцы, индоевропейская прародина, индоевропейский язык, языковая дивергенция, языковая конвергенция, праистория, этнос, псевдонаука.

Трудно найти более сложный и дискутируемый в отечественной и зарубежной исторической науке, археологии, лингвистике, а теперь и популяционной генетике и ДНК-генеалогии вопрос, чем происхождение индоевропейской общности. К тому же он, наравне с проблемой происхождения Руси, является и очень благодатной почвой для псевдонаучных, а иногда и антинаучных домыслов и спекуляций. В широкой читательской аудитории эта тема окружена огромным количеством мифов и стереотипов, зачастую не имеющих никакого отношения к современной науке. В рамках одной статьи сложно сказать новое слово в обширной области знания, разработкой которой занималось множество специалистов. Свою задачу мы видим главным образом в том, чтобы осветить современное состояние проблемы, а также выявить и отбросить те положения, которые следует считать отжившими или находящимися вне научной парадигмы.

Прежде всего необходимо отметить, что в понятия "индоевропейская прародина", "праиндоевропейцы" исследователи вкладывают подчас совершенно разный смысл. С чисто научной точки зрения "индоевропейцы", несомненно, лингвистический термин. "Индоевропеец – это тот, кто говорит на индоевропейском языке. Никаких других свойств приписать ему мы не можем" [8, с. 67].

Индоевропейцами в этом смысле могут быть названы и современные русские, и англичане, и иранцы, и евреи нового времени, говорившие на идиш, и англоязычные афроамериканцы. Таким образом, "индоевропейцы" – это не обозначение некоего этнического или расового родства. "Индоевропейскость" и этническое или генеалогическое происхождение – понятия, лежащие в разных плоскостях. Последнее практически всегда игнорируется в псевдонаучных публикациях, где обнаруживаются подчас самые химерические нагромождения и сочетания понятий "язык", "этнос", "раса", "генетическое происхождение" и т. п.

Однако выше речь шла о современном положении дел. Нельзя ли предположить, что в глубокой древности действительно существовала некая общность – носитель древнейшего праиндоевропейского языка, который, дробясь и расселяясь по Евразии, взаимодействуя с другими этносами и языками, оказывая на них влияние и подвергаясь ответным влияниям, создала за тысячелетия современную этноязыковую картину? Если таковая действительно существовала, то с какой известной археологической культурой она может быть увязана, где может быть локализована её прародина? Такие вопросы уже вполне логичны, научно оправданы и заслуживают вдумчивого и серьёзного ответа. В монографии В.А. Са-

фронава "Индоевропейские прародины" перечислено более двух десятков гипотез первоначальной географической локализации праиндоевропейского языка [6, с. 13–27]. Остановимся, во-первых, на наиболее расхожих точках зрения, в том числе популярных в псевдонаучных кругах, и, во-вторых, на действительно наиболее влиятельных мнениях в современной научной литературе.

К числу первых следует отнести т.н. "индийскую" (и близкую к ней "гималайскую") и "арктическую" гипотезы. Появление гипотезы "индийской" прародины стало в своё время естественным следствием развития лингвистической компаративистики. Действительно, в условиях, когда родство санскрита и других индоарийских языков было уже доказано, и санскрит считался древнейшим и самым архаичным из всех индоевропейских языков, внешне логично было предположить, что именно этот, или близкий ему язык был исходным для прочих индоевропейских, а предки современных европейских народов некогда пришли из Индостана или сопредельных с ним территорий.

Однако позднейшие открытия полностью разрушили эти умозрительные построения.

Во-первых, был открыт (в конце XIX в.) и дешифрован (в первой четверти XX в.) оказавшийся индоевропейским хеттский язык в Анатолии, письменная фиксация которого значительно древнее санскрита. В середине XX в. было дешифровано критское линейное письмо Б. Выяснилось, что уже во II тыс. до н. э. существовали разные индоевропейские языки, весьма отличавшиеся по основным языковым характеристикам: грамматическим, синтаксическим, фонетическим.

Во-вторых, выяснилось, что, например, балтийские языки, при том, что письменно они были зафиксированы гораздо позднее санскрита, и вообще одними из последних среди всех индоевропейских, содержат не меньше архаичных черт.

В-третьих, индийская гипотеза не может быть принята ввиду отсутствия в индоевропейских языках, помимо индоарийских, следов дравидийского субстрата, что крайне маловероятно при допущении, что все они происходят из Индии.

В-четвёртых, не обнаруживается признаков генеалогической преемственности арийских археологических культур Индостана от предшествующих им автохтонных, в частности, цивилизации Хараппы и Мохенджо-Даро.

В целом, можно было бы отнести "индийскую" гипотезу целиком к области историографии и не останавливаться на ней, если бы она причудливым образом не "всплыла" в настоящее время в российских псевдонаучных кругах. Оговоримся, что в них муссируется не столько географическая привязка прародины к областям современной Индии, сколько тезис об исключительной архаичности индоарийских языков, которые в подобных

"исследованиях" прямо отождествляются с санскритом. Соответственно, близость к санскриту рассматривается как признак особой "престижности" языка. При этом делаются попытки доказать преемственность от санскрита именно славянских языков. Разумеется, подобные рассуждения не имеют под собой никакой научной основы. Славянские языки родственны индоиранским, но ни в коем случае не тождественны им и не происходят от них. Любителям истории следует иметь в виду, что а) санскрит не тождествен праиндоевропейскому языку и б) славянские языки не являются прямыми родственниками санскрита, и арийским языкам в целом. Все они имеют близкие истоки (праиндоевропейский язык), но на генеалогическом языковом древе принадлежат к разным ветвям.

Следует признать, что в последнее время путанице понятий "индоевропейцы", "арии" и "славяне" немало способствовали публикации создателя ДНК-генеалогии А.А. Клёсова. Этот учёный, даже при признании его заслуг в области выявления времени происхождения и путей миграции представителей различных гаплогрупп (в центре его внимания, прежде всего, гаплогруппа R1a), весьма вольно обходится с устоявшимися в исторической науке и лингвистике терминами, и постоянно смешивает такие разнопорядковые понятия как гаплогруппа, этнос и язык. В частности, в книге "Происхождение славян. ДНК-генеалогия против "норманнской теории"" немало места уделено издёвкам над понятиями "индоевропейцы", "индоарии", "ираноязычные племена"[4, с. 6–8; 14, 33, 35, 53, 63, 74]. Он, в частности, пишет: "Последнее (понятие "индоевропейцы" – Д.Л.) – чудовищно неуклюжий термин. Слово "индоевропейцы" – просто издевательство над здравым смыслом" [4, с. 6]. Иранцев и индоариев, по Клёсову, чудовищно называть "иранцами" и "индоариями" потому, что в Иране и Индии они когда-то были пришельцами, а индоевропейцев – "индоевропейцами" потому, что они сами себя никогда так не именovali. Можно лишь согласиться с критиком взглядов А.А. Клёсова М. Подгайным, что в данном случае речь следует вести о "неспособности ученого-естествознателя отделять значение термина от его этимологии" [5]. Ведь не придёт в голову учёному-химику А.А. Клёсову считать "издевательством над здравым смыслом" название химического элемента "менделевий" на том основании, что создатель периодической системы элементов не имел отношения к его открытию!

Вот ещё показательная сентенция из книги А.А. Клёсова: "Итак, стало ясно, что род R1a в ДНК-генеалогии – при рассмотрении древних времён, в частности 6000–2500 лет назад – это арии, они же наши предки, праславяне, они же "индоевропейцы". Свой арийский язык, он же праславянский, они принесли в Индию и Иран 3500–3400 лет назад, то есть за 1400–1500 лет до нашей эры" [4, с. 38]. Воистину, "всё смешалось в доме Облон-

ских": биологическая сущность "род" и культурно-языковая – "этнос", арии, праславяне и индоевропейцы (три последних понятия ДНК-генеалог достаточно произвольно смешивает на протяжении всей своей значительной по объёму книги). Приходится признать, что безответственная терминологическая эквилибристика очень серьёзно дискредитирует труды А.А. Клёсова в глазах профессионалов, часто заслоняя собой действительно интересные исследования путей древнейших миграций. Одновременно формируется и превратное представление о доисторических процессах этногенеза и глоттогенеза среди интересующихся историей любителей.

Одним из самых известных пропагандистов "арктической" или "нордической" гипотезы происхождения индоевропейцев в в начале XX в. являлся индийский политический деятель и толкователь ведийских текстов Бал Гангадхар Тилак. Его гипотеза, базируясь исключительно на толковании некоторых спорных мест из древнейших санскритских текстов, до сих пор не имеет признания среди ученых, профессионально занимающихся археологией северной Европы и происхождением индоевропейцев. Выводы Тилака не пользуются поддержкой и со стороны профессиональных лингвистов (за исключением нескольких индийских авторов). Однако с 90-х годов XX столетия определенный резонанс и популярность в псевдонаучных кругах получили работы этнографов Н.Р. Гусевой и С.В. Жарниковой. Они сделали попытку реанимировать "арктическую" гипотезу, отыскивая параллели в гидронимах русского Севера и Центральной России с гидронимами "Вед" и индийского эпоса, в особенности "Махабхараты" [1; 2; 3].

Прежде всего, серьёзные сложности связаны с интерпретацией эпических сведений и соотношением их с реальными историческими событиями. Сложение текстов "Махабхараты" относят ко второй половине I тыс. до н. э., а завершение их редактирования – к первым векам н. э. Большинство исследователей оспаривает приводимые в эпосе датировки описываемых событий (ранее конца IV тыс. до н. э.), и настаивает на том, что историческая основа повествования относится к концу II тыс. до н. э. В отличие от них, С.В. Жарникова склонна всецело доверять хронологии "Махабхараты" и обращаться к наиболее древним событиям индийского эпоса. По её мнению, в рассказе о войне племён пауравов и панчалов отразились реалии мезолита, имевшие место в центре Русской равнины, а именно противостояние носителей бутовской и иеневской культуры. Тогда же, если не ранее, сформировалась и "арийская топонимика" Поочья [2; 3].

Конечно, можно теоретически предположить, что стычки эпохи мезолита, в которых в силу разрозненности и малочисленности тогдашних общностей с обеих сторон едва ли могло принимать участие более двух-трёх десятков воинов, спустя тысячелетия приобрели в памяти потомков воистину баснословный масштаб. Главная проблема заключается не в этом, а в том, что

преимущество индоевропейских культур вообще и праиндоарийских, в частности, от бутовской и иеневской, полностью противоречит всей совокупности данных современной науки. Для доказательства близости двух языков или двух разных этноисторических общностей нужно рассматривать системные соответствия – общность сочетания целого ряда значимых и взаимосвязанных языковых признаков.

Впрочем, указанные выше измышления являются прямым следствием метафизического восприятия мира. Развитие систем, в том числе языковых, в этом случае игнорируется, и вполне возможным становится прямое и априорное соотнесение древней санскритской топонимики с современной российской, индоевропейцев с ариями и ариев с русами. Для неподготовленной аудитории такие соотнесения могут показаться убедительными, но ничего не прибавляют к объективному научному знанию. Какие же гипотезы индоевропейской прародины действительно влиятельны в научной среде? Большинство современных авторов склонны отыскивать прародину индоевропейцев либо в Малой Азии (Анатолии), либо в Закавказье (в частности, на территории Армянского нагорья; данная гипотеза считается вариантом Анатолийской), либо в одном из регионов Центральной или Восточной Европы. Из "европейских" наибольшей популярностью пользуется, пожалуй, вариант В.Г. Чайлда, развитый позднее М. Гимбутас, о Североприморских степях как прародине индоевропейцев (в интерпретации М. Гимбутас – т.н. "курганная" гипотеза).

Прежде всего, обращает на себя внимание факт практически равноценного обоснования всех указанных и многочисленных "промежуточных" построений. Те из них, которые обнаруживают кажущиеся подтверждения в языке, имеют слабые основы в археологии, и наоборот; в зависимости от произвольно выбираемых языковых критериев (общность лексики, обозначающей определённых представителей флоры или фауны, или определённый уровень социально-экономического или технического развития) также возможны очень географически отличные варианты. Далее следует отметить тот факт, что антропологические, популяционно-генетические или ДНК-генеалогические данные не могут играть определяющей роли для решения рассматриваемого вопроса. Определение "исходного" антропологического типа индоевропейцев само находится в зависимости от лингвистических и археологических обоснований, то есть вторично по отношению к ним. В значительной мере это может быть отнесено и к выявлению исходной индоевропейской гаплогруппы. Среди ДНК-генеалогов с подачи А.А. Клёсова наметилась тенденция считать за таковую гаплогруппу R1a, хотя в последних публикациях этот исследователь и делает многочисленные оговорки в том смысле, что прямая увязка гаплогруппы с языком или этносом недопустима. Следует, впрочем, обратить внимание на факт, что ближайшие генеалогические родственники R1a – носители гаплогрупп Q1R2 по своему

происхождению отнюдь не индоевропейцы. Первая наиболее представлена у кетов, селькупов и коренных народов Америки, вторая – у дравидоязычных телугу. Несколько сложнее ситуация с гаплогруппой R1b. Она широко распространена как у некоторых народов Кавказа и Закавказья (осетины–дигорцы, армяне), на Урале (у некоторых популяций башкир), а также в Западной и Центральной Европе. Многие современные носители этой гаплогруппы действительно говорят на индоевропейских языках. Однако против "индоевропейскости" R1b выступает уже сам А.А. Клёсов, считая их типичными представителями современных басков. Собственно, нет никаких оснований полагать, что древние представители гаплогруппы R1a говорили на индоевропейских языках до появления на территории Анатолии и Балканского полуострова (по А.А. Клёсову – в VIII–VII тыс. до н. э.) [4, с. 60–61]. На обширных же пространствах Центральной, Южной и Восточной Европы, Малой Азии и Закавказья они не могли не контактировать с носителями других гаплогрупп, прежде всего, I2, J1 и J2, G1 и G2, а несколько позднее (с IV–III тыс. до н. э. по А.А. Клёсову) – с уже упоминавшимся R1b [4, с. 61]. В принципе, все они имеют не меньшие основания считаться праиндоевропейцами, чем R1a.

На факт существования нескольких практически равноценных по убедительности и доказательности теорий индоевропейской прародины исследователи обратили внимание достаточно давно. Как следствие стали появляться теории нескольких хронологически последовательных прародин. Примерами можно считать теорию В.А. Сафронова, сочетающую элементы северо–центрально–европейской, юго–центрально–европейской, восточноевропейской и отчасти западноанатолийской гипотез [6], теорию "циркумпонтийского очага" Е.Н. Черных, объединяющую восточноевропейскую и ближневосточную гипотезы [10; 11], концепцию нескольких последовательных слияний и распада разных древнеиндоевропейских диалектных групп на пространствах Восточной Европы, Передней, Средней и Центральной Азии (стартовавших в позднепалеолитическом Иракском Курдистане и Иранском Загросе), обоснованную Л.М. Сверчковым [7, с. 190 – 192] и др. На наш взгляд, в подобных синтетических обобщениях действительно есть определённый смысл. В известной мере сближаются с "синтетическими" и гипотезы о чрезвычайно широкой прародине, охватывавшей большую часть Европы, Малую и Переднюю Азию, Кавказ и Закавказье [6, с. 15–16]: они также исходят из невозможности идентификации сколько–нибудь узко локализованной области, объяснявшей все особенности индоевропейских языков.

По нашему мнению, на взгляды очень многих филологов и археологов, занимающихся индоевропейской проблематикой, накладывает отпечаток тот факт, что во все времена всегда имели место разные, обособившиеся друг от друга языки. Логика рассуждений следующая: имеет место ряд самостоятельных языков, но таких, ко-

торые обладают рядом существенных сходных черт в грамматике, лексике и фонетике, объясняемых родственным происхождением. Далее делается вывод: некогда существовал единый праиндоевропейский язык, позднее разошедшийся по разным ветвям. При кажущейся логичности подобный вывод, однако, не является единственно возможным, исходя из названных посылок. Он базируется на априорном, принимаемом "по умолчанию", положении о том, что в древнейшей истории индоевропейских языков имели место исключительно процессы дивергенции, то есть расхождения. Это понятно: повторимся, что к самой мысли о родстве индоевропейских языков учёные пришли в своё время, именно купирю расхождения, объяснить которые иначе чем дивергенцией невозможно. Но очень похоже на то, что увлечение "дедукцией" в данном случае пошло во вред выявлению "индуктивных" процессов.

В связи с вышесказанным следует обратить внимание на позицию О.Н. Трубочёва, вслед за рядом других крупных лингвистов отмечавшего: "Образ индоевропейского генеалогического древа с единым стволом и отходящими от него ветвями, очевидно, устарел. Более адекватной кажется сумма этногенезов, или образ более или менее близких параллельных стволов, идущих от самой почвы, т.е. подобие куста, а не дерева; этот образ неплохо передаёт древнюю полидиалектность, но и он не вполне удовлетворителен, поскольку недостаточно выражает то, что придаёт индоевропейскому характер целого. Это целое не ограничивается корнями, но существует, существовало и в виде объединяющих слоёв" [9, с. 96]. И далее: "Очень здраво и сейчас звучит суждение, что образование "ветвей" индоевропейской языковой семьи шло преимущественно через интеграционные процессы, как и указание, что образование крупных племён и народов – сравнительно позднее явление" [9, с. 98].

Действительно, подход к образованию древнейших индоевропейских языков как к результату конвергенции, а не дивергенции, открывает новые перспективы решения индоевропейской проблемы. В частности, теряет прежнюю остроту вопрос о конкретной локализации "первоначальной общности". Возможно, что таковой в привычном понимании просто не было. Скорее, имело место взаимодействие носителей разных археологических культур, вероятно, имевших первоначально разное этноязыковое происхождение, причём взаимодействие нелинейное и неоднозначное, неоднократно сопровождавшееся схождениями (которые объяснили бы отмеченные О.Н. Трубочёвым "объединяющие слои") и расхождениями. Известные нам ветви или, если угодно, слои индоевропейской языковой общности – лишь отражение финального этапа данного процесса.

Вообще, в известном смысле, укоренившееся представление о едином праиндоевропейском языке является отражением метафизического мировоззрения, тяготеющего к восприятию мира в виде неких неизменных

фактов или явлений. Между тем, живой язык, особенно реальный, разговорный – это всегда процесс, всегда движение. Попытки восстановления филологами "праиндоевропейского" языкового состояния, конечно же, не лишены научного интереса, как и прочие научные модели, однако сами по себе не способны дать ответа на вопрос о происхождении индоевропейских языков, так же как "идеальный газ" сам по себе не объясняет свойства всех газов. Нам представляется, что происхождение индоевропейских языков, вероятнее всего, связано с продолжительными межэтническими контактами разных племён на широкой территории юга Центральной (Балканский полуостров, Подунавье) и юго-запада Восточной Европы (лесостепные районы и степи Северного Причерноморья). Скорее всего, несколько позднее (хотя не исключено, что более или менее одновременно) данные процессы охватывают области Кавказа и Закавказья, Малой Азии.

Большую сложность представляет ответ на вопрос о хронологии формирования праиндоевропейских диалектов или языков (такие понятия представляются нам более адекватными, чем "праиндоевропейский язык"). На наш взгляд, это тот случай, когда серьёзное подспорье историкам и лингвистам могут оказать естественнонаучные данные популяционной генетики и ДНК-генеалогии. Действительно, в наши дни довольно убедительно показана высокая вероятность связи проникновения индоарийских языков собственно в Индию с распространением там гаплогруппы R1a. В то же время единственным возможным вариантом места перехода носителей R1a на индоевропейские языки представляется очерченный выше регион. Если следовать приводившимся выше датировкам А.А. Клёсова (которым, в целом, не противоречат и последние расчёты популяционных генетиков) R1a появляются на Балканах и в Анато-

лии в VIII–VII тыс. до н.э. С известными оговорками можно предположить, что появление в регионе новых племён, нарушивших привычную этноязыковую картину могло катализировать и интенсифицировать процессы глоттогенеза. Впрочем, логичнее было бы основные процессы, связанные с началом формирования праиндоевропейских, всё-таки перенести на несколько более поздний срок – в неолит, с характерными для него общим ростом народонаселения, численности социумов, интенсификацией их миграций (примерно с VI тыс. до н. э.). Естественно, индоевропейские языки возникли не на пустом месте, у них должны были быть генеалогические предшественники, в связи с чем любая датировка начала их происхождения более чем условна. Речь идёт скорее о времени широкого распространения индоевропейских языков, обладающих уже классическими чертами.

Следует ещё раз подчеркнуть, что прямая увязка индоевропейских или праиндоевропейских с какой-то одной конкретной гаплогруппой не только спекулятивна, но и антинаучна. Едва ли может быть названа и одна конкретная археологическая культура, про которую можно уверенно сказать, что в её границах жили первые индоевропейцы. Скорее следует обратить внимание на целый ряд неолитических культур юга Центральной и Восточной Европы и Малой Азии: Триполье–Кукутени, Винча, Димини, Дудешть, Боян, Буго–Днестровская, Линейно–Ленточной керамики, Сурская, Днепро–Донецкая, Чатал–Гюк и др. Речь, скорее, может идти не о том, что в рамках всех указанных культур говорили на праиндоевропейских языках, но о том, что в их рамках осуществлялся сложный процесс перехода на индоевропейские диалекты, о деталях которого пока можно только строить предположения, и который в перспективе должен стать предметом специальных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусева Н.Р., Жарникова С.В. Опыт расшифровки через санскрит названий водоемов русского Севера // <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005a/02110020.htm>.
2. Жарникова С.В. Веда – значит знание // <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/002a/02111139.htm>.
3. Жарникова С.В. Реки – хранилища памяти // <http://www.perunica.ru/zharnikova/770-zharnikova-s.v.-reki-xranilishha-pamyati.html>.
4. Клёсов А.А. Происхождение славян. ДНК-генеалогия против "норманнской теории". М.: Алгоритм, 2013. 512 с.
5. Подгайный М. Клёсов Анатолий Алексеевич – шарлатан в науке // <http://subscribe.ru/group/pole-chudes/6049563/>.
6. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго–Вятское книжное издательство, 1989. 402 с.
7. Сверчков Л.М. Тохары. Древние индоевропейцы в Центральной Азии. Ташкент: SMI-ASIA, 2012. 240 с.
8. Соколянский А.А. Введение в славянскую филологию: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2004. 400 с.
9. Трубочёв О.Н. Этногенез славян и индоевропейская проблема // Трубочёв О.Н. К истокам Руси. Народ и язык. М.: Алгоритм, 2013. С. 16–95.
10. Черных Е.Н. Протоиндоевропейцы в системе Циркумпонтийской провинции // Античная балканистика / отв. ред. Л. А. Гиндин. М.: Наука, 1987. С. 136–147.
11. Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: этнокультурные связи / под ред. Г. М. Бонгард–Левина. М.: Наука, 1988. С. 37–57.